

Эсхатология Н. А. Бердяева: триумф творчества в свете конца времён

Д. А. Кузнецов

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Введение. Эсхатологическая проблематика – один из ключевых аспектов в философии Николая Бердяева. Хотя взгляд русского мыслителя на проблему конца истории хорошо изучен, всё ещё в недостаточной степени артикулирована связь между его историсофскими интуициями и экзистенциальной тематикой. Необходимо осмыслить, насколько практически эффективными являются, казалось бы, уточнённо метафизические гипотезы Бердяева. На основе знакомства со значительным корпусом текстов русского философа, относящихся к разным периодам его творчества, подводятся обобщающие итоги развития в них эсхатологической темы. В спорных моментах мысли Бердяева подвергаются анализу с помощью герменевтико-майевтического метода.

Содержание. Николая Бердяева влечёт идея конца времён. Такой интерес связан с его пессимистическим взглядом на историю и с отрицанием идеи последовательного прогресса человечества. Постулируя конец истории как неизбежный, философ связывает с этим определённую надежду. Бердяев убеждён в возможности и даже необходимости другого мира, построенного на принципиально иных познавательных и этических началах. Он развивает мысль о том вкладе, который каждый человек может и должен внести в свершение небывалого бытия за пределами времени. Бердяев стремится преодолеть границу между имманентным и трансцендентным, сократить философскую дистанцию между практической деятельностью и религиозной мечтой. Он добивается этого путём введения концепции экзистенциального времени. В ракурсе этой концепции деятельность человека в рамках истории перестаёт быть бессмысленной. Несмотря на обречённость этого мира, творческий труд в рамках жизненных, временных границ получает духовное обоснование.

Выводы. В эсхатологии Бердяева прослеживаются традиционные апокалиптические мотивы, что позволяет называть его философию религиозной. Тем не менее, мыслитель делает акцент на возможности продуктивного вклада в вечность человеком, скованным условиями обречённого мира. Следовательно, творчество получает мотивацию, выводящую рефлексию субъекта из рамок эгоизма. Кроме того, дискредитируются пассивное ожидание конца времени и обречённая скованность индивида. Несмотря на очевидную абсурдность идеи бесконечного прогресса человечества во времени, необходимость вклада в вечность и во всеобщее благо внутри неё становится эффективной мотивацией для раскрытия персональных талантов.

Ключевые слова: Бердяев, история, свобода, творчество, долг, экзистенциальное время, эсхатология, этика.

Для цитирования: Кузнецов Д. А. Эсхатология Н. А. Бердяева: триумф творчества в свете конца времён // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2024. – № 1 – С. 32–49. DOI: 10.35231/18186653_2024_1_32. EDN: UWNTZV

Eschatology of N. A. Berdyaev: Triumph of Creativity in the Light of the End of Times

Dmitriy A. Kuznetsov

*St. Petersburg State University,
Sankt-Peterburg, Russian Federation*

Introduction. Eschatological problems are one of the key aspects in Nikolai Berdyaev's philosophy. Although the Russian thinker's view on the problem of the end of history has been well studied, the connection between his historiographical intuitions and existential themes is still insufficiently articulated. It is necessary to comprehend how practically effective Berdyaev's seemingly subtly metaphysical hypotheses are. Based on an acquaintance with a significant body of texts by the Russian philosopher relating to different periods of his work, the author summarizes the development of the eschatological theme in them. In controversial moments, the author subjects Berdyaev's thoughts to analysis using the hermeneutical-maieutic method.

Content. Nikolai Berdyaev is attracted by the idea of the end of time. This interest is connected with his pessimistic view of history and with the denial of the idea of consistent human progress. Postulating the end of history as inevitable, the philosopher associates a certain hope with this. Berdyaev is convinced of the possibility and even the necessity of another world built on fundamentally different cognitive and ethical principles. He develops the idea of the contribution that every person can and should make to the achievement of an unprecedented existence beyond time. Berdyaev strives to overcome the boundary between the immanent and the transcendent, to reduce the philosophical distance between practical activity and a religious dream. He achieves this by introducing the concept of existential time. From the perspective of this concept, human activity within the framework of history ceases to be meaningless. Despite the doom of this world, creative work within the limits of life, time boundaries receive a spiritual justification.

Conclusions. In Berdyaev's eschatology, traditional apocalyptic motifs can be traced, which allows us to call his philosophy religious. However, the thinker emphasizes the possibility of a productive contribution to eternity by a person constrained by the conditions of a doomed world. Consequently, creativity receives motivation that takes the subject's reflection out of the framework of egoism. In addition, the passive expectation of the end of time, the doomed constraint of the individual, is discredited. Despite the obvious absurdity of the idea of infinite progress of humanity through time, the need to contribute to eternity and to the common good within it becomes an effective motivation for the disclosure of personal talents.

Key words: Berdyaev, history, freedom, creativity, duty, existential time, eschatology, ethics.

For citation: Kuznetsov, D. A. (2024) Eskhatologiya N. A. Berdyaeva: triumf tvorchestva v svete kontsa vremeni [Eschatology of N. A. Berdyaev: Triumph of Creativity in the Light of the End of Times]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 1. Pp. 32–49. (In Russian). DOI: 10.35231/18186653_2024_1_32. EDN: UWNTZV

Введение

Текущая социально-политическая обстановка является благоприятной для роста эсхатологических настроений. Общественная значимость соответствующих размышлений повышается. Ещё недавно они присутствовали лишь на периферии интеллектуальных прений – в качестве маргинальной, узкорелигиозной тематики. Теперь эсхатология предстает как одна из магистральных тем русской философии. В связи с этим представляется необходимым обратиться к богатому отечественному наследию в данной сфере.

Эта статья посвящена историософской мысли выдающегося представителя «русского религиозно-философского ренессанса» Н. А. Бердяева, в ней рассматриваются ключевые аспекты и тематические взаимосвязи эсхатологических воззрений Бердяева. Этот философ осмыслил исторический процесс не просто как последовательность событий, а как их нерасторжимое единство с метафизическими основаниями, как связь времени и вечности, жизненных задач и судьбы. Конечно, творчество Бердяева уже достаточно хорошо исследовано, в том числе и его философия истории. Однако, на наш взгляд, недостаточно подробно проработана принципиальная связь между ней и ещё одной общеизвестной тематикой Бердяева – философией свободы. В тех же случаях, когда исследователи брались за подобную тему, в качестве результата получались, как правило, пространные, полные абстрактного пафоса рассуждения о философии культуры Бердяева. Тем самым, как кажется, снижался эффективный потенциал его мирозерцания, его пафос конкретности, обращённый не к человечеству вообще, а к каждому человеку в частности, в его персональном, уникальном бытии. В данной статье акцент сделан именно на соотношении эсхатологической и экзистенциальной проблематики. Творческая активность у Бердяева определяется не только как метафизический долг, но и как духовная привилегия человека, как свобода. Мы намерены показать, что эсхатологический подтекст истории, по Бердяеву, тесно связан с этикой. Практическая деятельность человека в истории и его духовные горизонты образуют динамическое единство, которое реализуется, даёт о себе знать в процессе творчества, протекающего, в свою очередь, в «экзистенциальном време-

ни». Русский философ стремится установить интеллектуальный баланс между физикой и метафизикой человеческого присутствия в мире. Задачей данного исследования является установить связь между эсхатологией Бердяева и его же философией творчества, с тем чтобы определить антропологический потенциал его апокалиптической интуиции, её всеобщую жизненную ценность.

Содержание исследования

Философия Н. А. Бердяева в самом своём истоке наполнена тем мироощущением, который можно назвать *этосом великой надежды* – оптимистическим взглядом на духовную судьбу человечества в целом и каждого человека в отдельности. Оптимизм этот имеет апокалиптический характер, он связан с неизбежным концом «мира сего» и потенциальной реальностью мира преображённого, который Бердяев по устоявшейся в христианстве традиции называет *царством Божьим*. Для Бердяева не стоит вопрос, возможно ли оно – это является предметом его веры, каркасом его жизненного мира, его философской интуицией. Можно называть это верой в Бога, а можно – верой в утверждение смысла, в победу над абсурдом. Бердяев не готов допустить дурную бесконечность времени и поэтому утверждает царство Божье как царство справедливости, победы над злом, и в конечном счете – победы над временем: «Мир должен кончиться именно потому, что в мире нет совершенной целесообразности, то есть сообразности царству Божьему» [8, с. 254].

Стоит отметить, что взгляд Бердяева на мир сущего достаточно мрачный. Он описывает так называемую *объективацию*, сущностную эрозию пространства и времени, в которых мы живём. Мир лежит во зле – таков суровый вердикт русского мыслителя, и в то же время – его точка философского отсчёта, стартовый пункт интеллектуального пути. Бердяев берётся за осмысление природы объективации. Имманентный взгляд, созерцание сущего субъектом, присутствующим в этом мире – это объективирующая интенция, т. е. навязчивая тенденция к опредмечиванию сущего, к априорному приданию ему определённого гносеологического статуса. Трагедия истории заключается в том, что так называемая реальность сжалась до размера жизненного мира как царства необходимости, где

свобода заведомо дискредитируется её предвзятым рассмотрением по линии причин и следствий. Бытие фиксируется в состоянии раскола, субъектно-объектном дуализме, который в одном из своих модусов предстаёт противоречивой диспозицией имманентного и трансцендентного. Характерно, что Бердяев не ограничивает трагизм миропорядка гносеологической ошибкой. Великий раскол бытия – не проблема человеческого непонимания, не проблема недостатка знания. Превратное понимание действительности человеком – лишь результат онтологического разлада, неизбежная защитная реакция на него. Сам разлад коренится в *контрвременной бездне*, что является одной из самых радикальных, спорных и вместе с тем – ключевых тем творчества Бердяева. Он пишет: «Существование этой таинственной бездны, этой глубины иррационального и обуславливает собой символизм, который есть единственный путь богопознания и богомудрия» [7, с. 56].

Мы учитываем этот аспект, но в рамках данной статьи не детализируем его. Это грозило бы неизбежным углублением в теологическую (в частности, христологическую) проблематику, которая, на наш взгляд, заслуживает отдельного рассмотрения. Отметим лишь, что, исходя из указанных предпосылок, Бердяев полагал недостаточным изменить взгляд на мир. От человека требуется связать смысл бытия с творчеством, осмыслить последнее как великое делание, решиться проявить свою активность в мире не столько в силу изменчивых внешних обстоятельств, сколько в силу необоримого внутреннего зова. Необходимо подчеркнуть, что творческое одухотворение для Бердяева не является практикой личного спасения. Принципиальным является именно сочетание индивидуального творческого достижения и всеобщей духовной пользы. Важно заметить, что объективация, навязывая человеку себя в качестве общепринятой метафизической схемы «имманентное-трансцендентное», неразрывно связана с восприятием мира через статичную призму линейных причинно-следственных связей. Значит, она навязывает покорность необходимости и нивелирует потенциал свободных проявлений духа. Мышление и бытие, по Бердяеву, не совпадают, но находятся в неразрывной связи, которая проявляется как соотнесенность высшей, эсхатологической идеи и повседневного, однако «за-

ряженного» трансцендентным проектом действия: «Царство Божье не только ожидается, оно создается, начинает создавать уже здесь и сейчас на земле. Это требует активного, творческого понимания эсхатологии» [8, с. 271].

Таким образом, конец объективации становится желательным именно в силу оптимистической тенденции Бердяева к преодолению зла, в силу вышеупомянутого этоса великой надежды. Очевидно, что конец объективации стал бы концом исторического времени. Отсюда следует, что завершение истории является для Бердяева желанным, причём не просто как завершение некоего объективного процесса в рамках всеобщего времени, который мы могли бы назвать историей, а завершение истории как таковой, т. е. конец, прекращение времени.

Отношение Бердяева к мировому процессу в своей основе не отличается от традиционного апокалиптического ожидания, с последующим свершением духовного царства. Подобная концепция присуща многим мировоззренческим системам. Так в чём же заключается философское своеобразие эсхатологии Бердяева? Ответ на этот вопрос связан с тем, как русский философ развивает базовую установку победы над временем.

Прежде чем определить, в чём заключается смысл истории, Бердяев утверждает необходимость наличия этого смысла как такового. Под смыслом здесь следует понимать оправданность тех или иных событий, фактов бытия в контексте определённой высшей цели. Русский философ утверждает смысл истории через моральный императив. История должна быть оправдана, иначе индивидуальное человеческое существование становится абсурдным, что для Бердяева категорически недопустимо. Предыдущие, нынешние и грядущие поколения людей не должны стать расходным материалом на пути к идеальному миру, что лежит за пределами истории. Преображённый мир в будущем исторического времени попросту невозможен, поскольку в таком случае предшествующие ему поколения как раз оказались бы лишь средством для исполнения эпохи радости, наслаждаться которой смогут лишь поколения счастливых, избавленные через труд и жертву своих героических предшественников от трагических аспектов бытия. Таким образом, императив Бердяева является этически обоснованным. Можно характеризовать его как гуманистический,

но с одной важной оговоркой: человеколюбие Бердяева уклоняется от обобщающей, абстрактной любви к человечеству как биологическому виду и масштабируется до желания оправдать каждую человеческую жизнь, каждую частную судьбу в отдельности. Оправдать в данном контексте значит показать, что вклад каждого человека в реализацию царства Божия возможен, а следовательно, ни одна жизнь не лишена высшего смысла – трансцендентного, преодолевающего историю с её объективацией и созидающего новый мир. Эта всеобщая причастность пока что лишь потенциальна и должна быть реализована, актуализирована через активное делание, через свободное творчество. Так, оправдание человечества, его роли в истории оборачивается экзистенциальным заданием и ещё одним этическим императивом.

Ещё Василий Зеньковский отмечал «основоположное значение моральной сферы во всём творчестве Бердяева» [11, с. 722]. Выше речь шла о том, что человек в своей частной судьбе не должен оказаться лишь средством достижения всеобщего благополучия, и этим Бердяев задал неизбежность царства Божия как некоторого горизонта мечты, свершение которого должно совпасть с упразднением времени. Этот аспект историко-философской мысли Бердяева – связь человеческой свободы и божественного обетования – затрагивает Якоб Таубес, когда пишет, что «согласно Николаю Бердяеву, в котором примечательным образом соединяются Восток и Запад, история может совершаться лишь потому, что Бог принял свободу» [14, с. 11].

Ещё христианским теологом Оригеном спасение мыслилось для всех без исключения. Бердяев относится к этой идее с симпатией. В частности, он пишет: «... я не могу спастись индивидуально, изолированно, пробираться в Царство Божье, рассчитывая на свои заслуги <...> Рай невозможен для меня, если близкие мои, родные мне или даже просто люди, с которыми мне приходилось быть вместе в жизни, будут в аду...» [3, с. 236]. Русский философ делает акцент на необходимости личного, активного и творческого участия в деле всеобщего спасения. Тем самым он усиливает индивидуальный жизненный потенциал возможностью уникального вклада в благодеяние других, ближних и дальних. Очевидно, что перспектива проявления свободного духа через творчество, или, иначе

говоря, творчество через свободу, неразрывно связана с невероятной ответственностью. Пройдя через стадии этоса надежды и этоса гуманизма, эсхатологическая тема Бердяева раскрывается этосом ответственности – и он вновь делает это через императив: «Человек должен принять на себя ответственность не только за свою судьбу и судьбу своих ближних, но и за судьбу своего народа, человечества и мира» [3, с. 322]. Действительно, возможность сделать вклад во всеобщее спасение от пут объективации, предполагает актуализацию личной ответственности. Порой религиозному сознанию всеобщее спасение представлялось зоной божественной ответственности, но Бердяева такой подход категорически не устраивает. Из модальности пассивного упования чаяние «жизни будущего века» должно преобразиться в исполненность персональным мессианским проектом.

Заметим, что бердяевская концепция вклада в вечностьотягчена важной проблемой. Если царство Божье неизбежно – а на утверждении этой неизбежности основан весь его эсхатологический нарратив – тогда не все ли равно, сделает или не сделает какой-либо индивид собственный творческий вклад в этот процесс? Зачем стараться индивидуально, к чему персональный мессианский пафос, если можно относительно пассивно и спокойно ждать «конца света» и наступления принципиально иного бытия, спасительного, свободного от объективации? Эта имманентная проблема ставит под вопрос легитимность эсхатологической идеи в качестве проводника творческих сил и, как может показаться на первый взгляд, оставляет эту идею в лучшем случае в регистре благородного обмана для неискушенных умов, а в худшем – в формате противоречивого, морализирующего мечтательства. Данная претензия является общим местом в критике позиции русского философа. Какой ключ, какую путеводную нить использует мыслитель для выхода из этого тупика?

Дело в том, что Бердяев, не ставя себе задачу выразить рациональным языком принципиально невыразимое, тем не менее манифестирует особенную концепцию времени – другого, «хорошего» времени, которое он также называет экзистенциальным. По его словам: «... для самой глубины бытия, для жизни божественной предполагается существование ка-

кого-то хорошего истинного времени, не противоположного вечности, а представляющего внутренний момент самой вечности, некоторую эпоху вечности» [4, с. 67].

Размышления о возможности и необходимости исторического вклада в вечность должны пройти процедуру философской легитимации, с тем чтобы проявить себя не просто как некий сентиментально-мотивирующий посыл, но именно как нравственный долг. Упрощенно говоря – следует уяснить, почему для вечности, для победы над временем и над объективацией важен и нужен вклад каждого, почему, как полагает Бердяев, «мировая всечеловеческая судьба не может быть разрешена без меня. Моя неудача, неудача любого существа будет и мировой, всечеловеческой неудачей» [8, с. 277].

Без участия свободы царство Божие оказывается нелегитимным проектом. Верующий субъект может полагать, что оно придёт и без его участия. Но всё не так в экзистенциальном времени. Здесь причина и следствие не линейны. Их связь таинственна, мистериальна, антиномична – и познать её можно только интуитивно и деятельностно, т. е. как процесс, в который непосредственно вовлечён сам философствующий субъект, причём вовлечён всем своим существом, своей экзистенцией, своими потом и кровью, своим трудом и своей смертью. Нет смысла пытаться понять эту связь как стабильный онтологический факт, к осознанию которого мышление подходит как бы со стороны. Сверхзадачей человечества является победа над временем, и рассуждать в логических категориях о том, как сказывается делание в истории на судьбе человечества в вечности – проблематично.

Важно понимать, что свобода и необходимость в экзистенциальном времени вступают в нелинейную диалектику. Если будущее уже наступило в вечности, тогда настоящее является необходимой, как бы заранее утвержденной в вечности прелюдией к победному эсхатологическому маршу. Можно было бы предположить, что прошлое в своем волевом творчестве, своем жертвенном героизме уже сделало свой вклад и находится в стадии ожидания вечности. Однако вечность – это не очередное время в будущем, а значит, и прошлое находится не столько в ожидании вечности, сколько в актуальном, живом процессе духовного перехода, является таким же ак-

тивным деятелем на поле духовной брани, как и настоящее. Ещё ничего не решено, и никогда не будет решено во времени. Ведь времени – нет, если его понимать как дискретные, пусть и последовательные, моменты. То, что есть – это повседневное бытие, с его врожденным пороком объективации. Экзистенциальное время реальнее, чем сущее, историческое время, но дело не ограничивается их разведением. Речь идёт о взаимопроникновении испорченного времени и вечности, точкой соприкосновения которых является для человека творческая жизнь в духе, свободная активность, ориентированная на горный мир. Это представление Бердяев неоднократно формулировал в своих трудах, приведём всего одно характерное высказывание: «...весь мировой и исторический процесс может быть вобран в вечность, и тогда он есть внутренний момент в свершении мистерии духа» [8, с. 286].

Если, исходя из воззрений Бердяева, возможность, а главное – необходимость для каждого человека реального вклада в победу над временем становится обоснованной, то попробуем определить, что даёт нам подобный философский подход в отношении повседневно жизненном. Мы видим, что русский философ не желает отдать человека на откуп будущему. Исключительно прагматический смысл существования для него также неприемлем. Безусловно, Бердяев не отказывается от идеи личного вклада человека во всеобщее благоденствие. Личный героизм, жертва жизнью, трудом, временем ради потомков не дискредитируется как моральное явление. С другой стороны, и это принципиально, личный вклад должен стать именно вкладом в вечность. Временное человечество более ценно, чем временный человек, но ещё более ценен – человек вечный. Ведь времени – нет. Об этом Бердяев знает от Августина, который дезавуирует, разоблачает устоявшиеся представления о времени в своей «Исповеди»: «Совершенно ясно теперь одно: ни будущего, не прошлого нет, и неправильно говорить о существовании трёх времён: прошедшего, настоящего и будущего. Правильнее было бы, пожалуй, говорить так: есть три времени – настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего» [1, с. 300]. Существует только история и только она по-настоящему реальна. Степень её реальности колеблется в зависимости от того, насколько

явно в ней раскрывается экзистенциальное измерение персонального творчества.

Следует помнить, что история, согласно Бердяеву, не равна последовательности временных фрагментов. Слияние исторических горизонтов образует вечную реальность. Горизонт прошлого – это наш взгляд на былое как действующее в настоящем. Горизонт настоящего ориентирован и на историческую память, и на исторический проект. Горизонт будущего открыт по определению – ведь ещё ничего не решено. От живого прошлого, от пробудившегося настоящего зависит как будущее, так и обобщающая все времена сверх-реальность царства Божия.

В попытке приблизиться к осознанию этой парадоксальной интуиции, Бердяев предложил концепцию экзистенциального времени. Философ отказывается от принципиального разрыва между миром подлунным и миром божественным, преображённым. Он сохраняет дистанцию между мирами и тем самым отрекается от монизма и пантеизма, но только с тем, чтобы возвести между ними мост, установить его на границе таинственного перехода между пластом исторического и утопией внеисторического. Сам ритуал перехода не остается фигурой умолчания – и это вовсе не экстатическая трансгрессия в бессознательное, не мистический опыт откровения, а вполне понятное для рационального сознания творческое делание. Бердяев располагает свой философский континуум в виртуальном пространстве синхронности двух ориентаций – повседневной и вечностной.

Уместно задаться вопросом, а почему именно творчество заявлено Бердяевым в качестве деятельного вклада в вечность, а не, допустим, вера, законопослушность, молитвенное правило, или по крайней мере труд. Ясно, что конец времени, конец истории для Бердяева как неизбежен, так и желателен. Неизбежность конца времён и его желательность причастны к отрицанию Бердяевым абсурда, к волевому утверждению смысла человеческого бытия. Абсурд отрицается через смысл, но смысл утверждается именно через творчество. Русский философ связывает творчество с решительным волеизъявлением, с духовной свободой, которая сказывается в создании новых фактов культуры – философских, поэтических, живописных, а также и в явлениях социально-политических,

этико-правовых, научных. Бердяев не довольствуется сентиментальным признанием акта творчества как чего-то возвышенного. Он утверждает, что именно творчество является живым проявлением, а значит – и подтверждением динамической свободы духа через те события в историческом процессе, где, выражаясь с известной долей условности, происходит синхронизация времени и вечности. По сути, именно ситуацию творческого озарения, охваченности утончённым энтузиазмом Бердяев и относит к экзистенциальному времени.

В моменты *ослабленной реальности* время закрыто объективацией от общения с вечностью и тогда оно теряет реальность, становится пародией, симулякром, превратным пониманием прошлого как набора случайных фактов и ошибочных жестов, лживой интерпретацией новостной сводки, неоправданным футуристическим прогнозом.

Значит, ответственность за утверждение реальности в её трансцендентной полноте лежит на творцах – именно на основании того, что они *призваны*, что они в своем сознании фиксируют зов вечности, отражают его и в акте этой рефлексии осознают свою обязанность принять участие в духовной мобилизации, во время которой, талант и даже гениальность, перестают быть лишь привилегией, от которой можно при желании отказаться, и становятся почётным долгом. Если человек может творить – значит он должен творить, поскольку он призван духом, и манкировать этой привилегией, уклоняться от призыва вечности – неэтично. Достойным ответом на *призыв*, аутентичной рефлексией становится творчество. Отсюда – недоумение Бердяева по поводу того, что великих художников и поэтов никогда не канонизировали, в отличие от аскетов, царей и военачальников. Гениальность, возможность творчества не является безвозмездным даром, мимолётным моментом удачи. Позыв к творчеству, некий художественный или деловой талант, искра творческого энтузиазма, столь часто гаснущая то от обилия повседневных дел, то от неверия в самого себя, то осознанно гасимая аскетическим сознанием как претензия на самовозвышение – перестает быть всего лишь даром. Это вызов, команда, задание совершить бросок в направлении вечности. Он неизбежным образом связан с принятием пол-

ной ответственности за свою личную судьбу, за судьбу своего народа, человечества в целом.

Судьба – это не биография. Жизнь в подлунном мире есть лишь отблеск, символ вечной, спасительной судьбы. В экзистенциальном времени Бердяева происходит слияние вечности и воли, созерцания и дела в едином ритме. Личность перестает быть изолированной, исчезает разрыв между «я» и пустотой, прагматикой и утопией, актуализируется единое смысловое поле, в котором неуместным становится акцент на противоречиях между физикой и метафизикой.

В экзистенциальном времени должна случиться мистерия жизни. Люди должны вкусить плоды победы над вечностью, и сделать это можно прежде всего через творчество. «При более глубоком взгляде на творчество можно сказать, что в нем есть элемент профетический <...> оно пророчесствует об ином <...> преображенном, состоянии мира. Но это значит, что творческий акт эсхатологичен, в нем сказывается невозможность довольствоваться этим данным миром, в нем кончается этот мир и начинается иной мир» [8, с. 251]. Через творчество утверждается свобода, и поэтому оно укореняется в вечности. Бердяев предполагает через творчество достигнуть «сдвига в глубине человеческой природы как онтологической реальности» [2, с. 139].

Интересно, что творчество и его смысл, по Бердяеву, можно рассматривать и как противовес творческому эгоизму. Человек делает вклад в вечное блаженство, и для защиты от естественного пессимизма, связанного с тем, что в историческом времени прагматический эффект (и с точки зрения эгоизма, и с точки зрения альтруизма) творческого делания никогда не гарантирован. Бердяев пишет: «Исключительная погружённость в кризис личного творчества и страх собственного бессилия – безобразно самолюбивы» [5, с. 18].

Как отмечает исследователь творчества Бердяева В. Н. Порус, из трудов русского философа следует, что «прорыв к “иному” миру невозможен вне культуры. Это дело тех, кому культура обязана своим существованием, людей, постигающих мистическим чутьём глубину духа, внемлющих его призыву» [12, с. 175]. Время построения непротиворечивых онтологий давным-давно прошло, к тому же мы живем в эпоху смены

социально-политических формаций, в то время, когда «нельзя спать». Н. А. Бердяев утверждает волю как инструмент вклада во всеобщее спасение. Это – не воля к абстрактному саморазвитию, не воля к вкладу в прогресс цивилизации, ни даже жертвенная воля. Это воля, по сути, мессианская, и уж точно – героическая. Мы видим, что экзистенциальная философия Бердяева обоснована религиозным оптимистическим взглядом на реальность. Личность перестает быть изолированной от метафизической инстанции, и внутри этого обособленного и защищённого пространства возникает возможность осмысленного самосовершенствования, духовно оправданного творческого труда. «Только переход к христианству эсхатологическому, к свету, идущему от грядущего, может вновь сделать христианство творческой силой» [8, с. 263]. А. Г. Дугин пишет о том, что Бердяев с помощью эсхатологии разрешает «противоречия между свободой и роком» [9, с. 617].

Заметим, что христианство эсхатологично в самых своих истоках. «Эсхатология – это кульминация Священного Писания, ибо конец света обнаружит религиозный смысл человеческих деяний и люди будут судимы по своим поступкам», – констатирует М. Элиаде, и он же указывает, что постепенно церковь сместила фокус сознания от апокалиптического к мирскому, т. е. «приняла мир таким, каков он есть» [15, с. 70, 72]. Бердяев разрабатывает в своих трудах эту сложную теологическую проблематику даже более методично, включая в неё критику церкви. Острие этой критики направлено на нивелирование идеи конца времён в богословском дискурсе. Бердяев аранжирует апокалиптическую тему такими установками, что для человека, принявшего их, становится невозможным пассивное ожидание конца времён. Даже уготовление личного спасения, будь то через покаяние, или через благие поступки, становится недостаточным. От каждого человека зависит свершение царствия небесного. Парадоксальным образом, оно неизбежно и всё же не гарантировано.

Сам Бердяев никогда не стеснялся антиномичности своей философии: «Апокалиптический план, к которому мы относим наступления конца мира, разрешение всемирной истории нельзя мыслить ни совершенно имманентно, ни совершенно трансцендентно <...> Это и есть антиномическая для нашего

рационального сознания проблема отношения времени и вечности <...> Так и внутри самой истории <...> дан апокалипсис как иное измерение её» [6, с. 265–266]. Согласно русскому философу, человек должен прислушиваться к истории, к актуальной событийности с целью не пропустить обращённый лично к нему зов реальности, которая включает в себя не только настоящее, но и будущее, и прошлое. Реально в конечном счёте только историческое. Философия имеет дело не с двумя сторонами расколотой личности, «несчастливого сознания», а с реальным действием в зоне философского пограничья, умозрительной «ничьей земли», в зоне между фактической насущностью и метафизической мечтой. Мы имеем дело с территорией высокой философской мощности, где аккумулируется абстрактная энергия веры, которая в свою очередь индуцирует конкретные творческие процессы. А. А. Ермичёв даже полагает, что в сознании Бердяева «творческая свобода человека таинственно трансформируется в Богоданную – творчество есть исполнение воли Божьей» [13, с. 22]. Редко философия бывает столь жизненно эффективной, как у Бердяева. Ещё реже религиозное сознание получает от философии столь конкретные мирозадающие задачи. «Эсхатологическая перспектива не есть только перспектива неопределённого конца мира, она есть перспектива каждого мгновения жизни. В каждое мгновение жизни нужно кончать старый мир, начинать новый мир. В этом дыхание Духа. Эон конца есть раскрытие Духа» [8, с. 286].

Выводы

Наиболее перспективный, жизненно значимый аспект эсхатологии Бердяева – это тема перехода от религиозной покорности судьбе к манифестации индивидуальной воли к творчеству. Такая воля принимается как дар свыше, уникальная возможность вклада, и всё же – как нравственный долг перед предками, современниками и будущим поколениями. Это долг перед вечностью, внутренними аспектами которой являются отдельные временные отрезки, отдельные эпохи. Такова философская интенция того религиозного сознания (вне зависимости от конфессиональной принадлежности, хотя сам Бердяев и оставался всю свою жизнь в лоне православной церкви), которое стремится свою веру обосновать не доказа-

тельностью, а целью, т. е. сделать ее осмысленной, а жизнь – активной, плодотворной и в конечном счете – мирозозидающей.

Фактически эсхатологический посыл Бердяева – это основа уникальной стратегии той повседневности, которая по умолчанию ориентирована вертикально. Его философия – программа для человека, который желает обрести традиционные ориентиры в хаотическом мире. Причём ориентация идёт не на восстановление формальных признаков традиционного общества, а на возрождение в современных формах его внутренней, сущностной ориентации. Тигр современной цивилизации не должен быть сокрушен обскурантистским жестом. Он должен быть оседлан, покорён сильным, ответственным, свободным субъектом. Главное здесь – это утверждение воли жертвенной, однако счастливой, не наивно альтруистической, а осознанно героической, без двусмысленностей, связанных с отрицанием себя и собственного спасения. Индивидуальность не менее ценна, чем всеобщее благо, однако не по причине приоритета *свободы-от*, а поскольку личное и всеобщее оказываются таинственным образом связаны в эсхатологическом процессе всеобщего деятельного спасения.

Современные исследователи русской философии пишут: «Надо признать, что в антроподицейном персонализме Бердяева много символизма, много романтики, но именно этой своей мистической возвышенностью, этой таинственной глубиной он влиял и продолжает оказывать влияние на развитие современной философской антропологии» [10, с. 226]. Бердяев, в сущности, обращается вообще ко всем творцам, ко всем талантливым людям, независимо от того, привержены они этосу великой надежды, верят ли они в другой мир или нет. Только ориентированным вертикально, т. е. на воссоединение человечества с превосходящим человеческую природу принципом бытия, может быть оправдано само творчество. Через вертикальную ориентацию творчество может быть избавлено как от подозрений в эгоизме, так и от самоубийственной рефлексии о тщете повседневных попыток. Творчество – это мост между профанным и сакральным, между историей и вечностью, а точнее говоря, – место их встречи, их совместное бытие. Действительно, восстановление воли к творчеству в её правах, этическое узаконивание деятельности, в том числе

философской, её ориентация на Традицию в эпоху, отягчённую либеральными идеями и нигилизмом, становится возможным только в ракурсе неизбежного конца времён.

Список литературы

1. Аврелий Августин. Исповедь / пер. с лат. М. Сергеевко. – СПб.: Азбука-классика, 2011. – 400 с.
2. Бердяев Н. А. Мутные лики (Типы религиозной мысли в России). – М.: Канон+, 2004. – 448 с.
3. Бердяев Н. А. О назначении человека. – М.: Республика, 1993. – 383 с.
4. Бердяев Н. А. Смысл истории. Новое Средневековье. – М.: Канон+, 2016. – 448 с.
5. Бердяев Н. А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. – М.: АСТ, 2007. – 668 с.
6. Бердяев Н. А. Философия неравенства. – М.: ИМА-пресс, 1990. – 288 с.
7. Бердяев Н. А. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. – 480 с.
8. Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. – М.: Республика, 1995. – 383 с.
9. Дугин А. Г. Ноомахия: войны ума. Русский Логос III. Образы русской мысли. – М.: Академический проект, 2020. – 980 с.
10. Замалеев А. Ф., Замалеев Ф. А. Начальный курс русской философии: Историческое введение. – СПб.: Петрополис, 2016. – 288 с.
11. Зеньковский В. История русской философии. – М.: Академический проект, 2001. – 880 с.
12. Н. А. Бердяев и единство европейского духа / под ред. В. Н. Поруса. – М.: Библиско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. – 336 с.
13. Н. А. Бердяев: pro et contra / сост. А. А. Ермичев. – СПб.: РХГИ, 1994. – 573 с.
14. Таубес Я. Западная эсхатология / пер. с нем. А. Шурбелёв. – СПб.: Владимир Даль. – 2023. – 427 с.
15. Элиаде М. Аспекты мифа / пер. с фр. В. Большаков. – М.: Академический проект, 2014. – 235 с.

References

1. Avreliy Avgustin (2011) *Ispoved'* [Confession]. Sankt-Peterburg: Azbuka. (In Russian).
2. Berdyayev, N. A. (2004) *Mutnye liki (Tipy religioznoy mysli v Rossii)* [Muddy faces. Types of religious thought in Russia]. Moskva: Kanon+. (In Russian).
3. Berdyayev, N. A. (1993) *O naznachenii cheloveka* [About the appointment of a person]. Moskva: Respublika. (In Russian).
4. Berdyayev, N. A. (1994) *Filosofiya svobodnogo dukha* [Philosophy of the free spirit]. Moskva: Respublika. (In Russian).
5. Berdyayev, N. A. (1995) *Tsarstvo Dukha i tsarstvo Kesarya* [The kingdom of the spirit and the kingdom of Caesar]. Moskva: Respublika. (In Russian).
6. Berdyayev, N. A. (2007) *Smysl tvorchestva. Opyt opravdaniya cheloveka* [The meaning of creativity. Experience of justification of a human]. Moskva: AST. (In Russian).
7. Berdyayev, N. A. (2016) *Smysl istorii. Novoe srednevekov'e* [The meaning of the history. New Middle Ages]. Moskva: Kanon+. (In Russian).
8. Berdyayev, N. A. (1990) *Filosofiya neravenstva* [Philosophy of inequality]. Moskva: IMA-press. (In Russian).
9. Dugin, A. G. (2020) *Noomakhia: vojny uma. Ruskij Logos III. Obrazy russoj mysli* [Noomachia: wars of the mind. Russian Logos III. Images of Russian thought]. Moskva: Akademicheskij proekt. (In Russian).
10. Eliade, M. (2014) *Aspekty mifa* [Aspects of myth]. Moskva: Akademicheskij proekt. (In Russian).

11. Porus, V. N. (2007) *N. A. Berdyaev i edinstvo evropeyskogo dukkha* [N. A. Berdyaev and the unity of the European spirit] ed. by. Moskva: Bibleysko-bogoslovskiy institut sv. apostola Andrey. (In Russian).

12. *N. A. Berdyaev: pro et contra.* (1994) [N. A. Berdyaev: pro et contra]. Sankt-Peterburg: RKHGI. (In Russian).

13. Taubes, Ya. (2023) *Zapadnaya ehschatologiya* [Western eschatology]. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal'. (In Russian).

14. Zamaleev, A. F., Zamaleev, F. A. (2016) *Nachal'nyj kurs russskoj filosofii: Istoricheskoe vvedenie* [Beginning Course of Russian Philosophy: Historical Introduction]. Sankt-Peterburg: Petropolis. (In Russian).

15. Zen'kovskij, V. (2001) *Istoriya russskoj filosofii* [The history of Russian philosophy]. Moskva: Akademicheskij projekt. (In Russian).

Об авторе

Кузнецов Дмитрий Александрович, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; ORCID ID: 0009-0002-1661-1685; e-mail: kuznetsow@vk.com

About the author

Dmitrij A. Kuznetsov, postgraduate student, St. Petersburg State University, Sankt-Peterburg, Russian Federation; ORCID ID: 0009-0002-1661-1685; e-mail: kuznetsow@vk.com

Поступила в редакцию: 21.12.2023
Принята к публикации: 30.01.2024
Опубликована: 22.03.2024

Received: 21 December 2023
Accepted: 30 January 2024
Published: 22 March 2024